

Valérie Tong Cuong

Валери Тонг Куонг

Валери Тонг Куонг

Мастерская чудес

Москва
2015

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Т57

Valérie Tong Cuong
L'ATELIER DES MIRACLES

© 2013 by Editions JC Lattès

Фото автора © Delphine Jouandeau / Lattès

Перевод с французского *Е. Кожевниковой*

Художественное оформление *В. Терещенко*

Тонг Куонг, Валери.
Т57 Мастерская чудес / Валери Тонг Куонг ; [пер. с фр.
Е. Л. Кожевниковой]. — Москва : Издательство «Э»,
2015. — 320 с. — (Счастье жить. Проза Валери Тонг
Куонг).

ISBN 978-5-699-82188-4

Герои новой книги Валери Тонг Куонг переживают не лучшие времена. Учительница Мариэтта разочаровалась в своем муже, а дети в классе откровенно над ней издеваются. Секретарша Милли мучается от одиночества и чувствует себя ненужной. Верзила мистер Майк, бывший военный, дезертировал из армии и стал бродягой.

Нужно, чтобы кто-то вытянул их из трясины неудач и неприятностей.

И — чудо! — в их жизни появляется господин Жан, владелец необычной «Мастерской чудес». Его работа — помогать тем, кто отчаялся.

Кто он? Волшебник? Чудак-альтруист? И да, и нет. В самом финале читатель узнает, что у господина Жана — своя история, которая многое объясняет...

**УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44**

ISBN 978-5-699-82188-4

© Кожевникова Е., перевод
на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2015

Эрику

Милли

Едкий, резкий, неотвязный запах пропитал меня, проник во все поры. От него зашипало в носу, запершило в горле. Еще не выдравшись из липкого вязкого сна, я не могла понять, откуда эта напасть — ядовитый смог.

Ни за что не открою глаза. Просплю до утра, а еще лучше — буду спать все выходные. С вечера пятницы до понедельника не думаю, не вижу снов, даже не дышу. Миную два дня одним рывком, одним нырком.

Так плывет под водой слабый ребенок в бассейне. Слышит команду учителя, смех и свист других детей. Воздуха не хватает, бортик далеко, а возможная, почти желанная смерть уже рядом. Но вдруг пальцы вцепляются в пористый край. Ты вынырываешь, отплеываясь, легкие наполняются воздухом. Чувствуешь изнеможение и благодарность. Смерть отступила.

Жгучий кашель вырвал меня из тьмы. Глаза пришлось приоткрыть.

Длинный сизый язык дыма, просунувшись в форточку, беззвучно лизал пожелтевшие пестрые обои, подбирался к потолку.

Пожар! Тело судорожно сжалось, приподнялось, но я еще не проснулась. Сознание раскололось надвое. Один голос внутри возопил: «Вот, Милли, пришел час расплаты, истины, искупления! *Покайтесь, не то возмездие постигнет вас!* Кто-то должен за все ответить!» Другой напустился на него: «Перестань, сейчас не время для скоропалительных выводов, сведения счетов, философии, всяких знамений и воздаяний. Пожар — чистая случайность, результат неудачного стечения обстоятельств, несчастный случай. Соберись и действуй, иначе *погибнешь!*»

Вчера я, шатаясь, добрела до дивана и рухнула, как была, в одежде, не смыв косметику, даже не почистив зубы. Руки-ноги не слушались, каждое движение давалось с трудом.

А ведь я буквально помешена на чистоте. Голову мою утром и вечером, руки — по сто раз на дню. Без конца чищу ногти, пятки тру пемзой. Перед работой вытираю повсюду в квартире пыль и по возвращении тоже. Генеральная уборка еженедельно.

В офисе набрасываюсь с влажными салфетками (упаковка сулит мгновенный бактерицидный эффект) на все, что попадется под руку. На рабочем месте постоянно слежу за каждой мелочью: стираю

следы грифеля со стаканчика для карандашей, проверяю, есть ли скобы в степлере всякий раз, как им пользуюсь, в конце дня непременно отключаю принтер. В ящиках стола у меня идеальный порядок. Однажды, управившись со всеми делами задолго до окончания рабочего дня, я и окна помыла. Однако замдиректора не оценила мое усердие. «Если вы дорожите своей должностью, извольте выполнять только те обязанности, которые оговорены в вашем контракте. Здесь вы секретарь-референт. Когда надумаете стать уборщицей или мойщицей окон, обратитесь в соответствующее агентство по найму!»

Это агентство прежде долгое время обеспечивало меня работой. Так что я подобострастно извинилась и решила приберечь свой пылеочистительный пыл исключительно для частной жизни.

И вот вчера, как на грех, именно вчера мои принципы потонули в алкоголе. Ноги подгибались, все плыло перед глазами. Вернувшись, я мечтала лишь об одном: поскорей уснуть.

«Ну и ладно, — думала я. — Меня ведь никто не видит, и уж тем более никто не поцелует, не обнимет, не ляжет рядом. Так что никого я не огорчу. Это единственное мое преимущество и достоинство. Почему бы разок не послать подальше...»

Сунула сумку под диванные подушки, растянулась и засопела, даже туфли не сняла.

Теперь с трудом подползла к окну. Занимался пасмурный серый день. Внизу собралась толпа. Люди с откровенным испугом смотрели на дом, показывали куда-то, чуть ниже моего окна. От их вида, криков, запаха гари, боли в груди меня затошнило. Огонь сожжет, угарный газ придавит. Асфиксия, интоксикация.

Что, если пожар — исполнение моего тайного желания? Что, если я вынашивала его где-то там, в глубинах подсознания? А вдруг я виновница возгорания? Таких случайностей не бывает, бросьте! Никакой статистике не поверю.

Хотя...

Ты Милли. Перед тобой окно. Решайся, еще не поздно.

Дым шел снизу, из квартиры подо мной. Нелюдимый старый Канарек забыл борщ на газовой плитке. В последнее время с головой у него плоховато. Я не раз встречала его у подъезда. Канарек проповедовал прохожим, декламировал с горячностью своего любимого писателя, «гениального Федора Михайловича Достоевского», как он его торжественно именовал. Брызгал слюной, проглатывал половину слов. В лихорадочном страстном речевом потоке иногда удавалось разобрать что-то о бедных людях, презрении, унижении, поруганной невинности, бесчестье, предательстве друзей. Владелец окрестных магазинчиков и соседи считали старика сумасшедшим и старались держаться от него по-

дальше. Он бормотал себе под нос, что в один прекрасный день зарежет кого-нибудь мясницким ножом. Или *сожжет все к чертям*.

Несчастный старик! Если он выживет, его обвинят в умышленном поджоге. А я, если выживу (хотя зачем мне дальше жить, непонятно), не смогу его защитить. Где уж мне переспорить домовладельцев!

Я обвела взглядом толпу, постаралась здраво оценить ситуацию, все взвесить, принять решение. Главное — не поддавайся панике!

Так уж вышло, Милли, ничего не поделаешь, ты попала в переплет. Соседей не выбирают, злополучному Канареку тоже, прямо скажем, не повезло. Не теряй времени, соображай поскорей, что ты вынесешь из огня. Что тебе по-настоящему дорого, с чем ты не сможешь расстаться ни в коем случае? Каждый не раз задавал себе этот вопрос. Каждый знает, что для него насущно, необходимо.

Даже ты, Милли, уж поверь.

Кто-то возьмет с собой безделушки, альбомы с фотографиями, письма в обувной коробке. Или привезенные из путешествий камешки и открытки. Или позабытую в глубине шкафа виолончель, на которой играл в детстве. Другой сунет за пазуху чековую книжку, свидетельство о браке и прочие документы. Третий потащит всякие ценности: картины, украшения, золотые часы. Вещи определяют наше бытие, обрамляют его, проявляют. Порой это залог безбедного существования в будущем.

Ну же, Милли, хватай, не медли!

Но ведь у меня ни единой вещицы за душой. Нечего спасать. Вместо профессии — тощая стопка договоров о временном найме и переписка с разными агентствами. Вместо личной жизни — три-четыре открытки от родителей, присланные за последние десять лет. На каждой: «С наилучшими пожеланиями». В этой формуле выражена суть наших отношений.

Ничего я не сохранила, ничего не приберегла. Вокруг все чужое. Эту крошечную квартиру три месяца назад совершенно незаконно пересдала мне одна девушка-этнолог, улетая на три года в Южную Корею.

Самое дорогое так и осталось на мне — новые туфли. В прошлые выходные я заплатила за них кучу денег. Не потому, что они мне понравились или пришили по ноге. Просто назойливый продавец навязывал их, а я, как всегда, не смогла отказаться.

Дым сгущался. Надо же было пожару разгореться именно в ту ночь, когда я впервые в жизни напилась!

Пригласили, и я опять-таки не смогла отказаться... Вчера истек мой последний рабочий день на посту секретарши. Скучнейший: я только и делала, что разносила кофе и разбирала почту. Более серьезных заданий мне не давали с понедельника, зная, что я здесь не задержусь, хотя целых два месяца я

беспорочно, самоотверженно и пунктуально выполняла всевозможные поручения.

В семь часов вечера завкадрами лениво пожала мне руку: «Вы прекрасно справились, Лизи, благодарю вас». Даже имени не запомнила. Теперь я могла исчезнуть.

Молодые бизнесмены обсуждали, где бы выпить, ожидая лифт. Внезапно один из них предложил и мне присоединиться к компании. Что у меня общего с этими людьми? Мы и знакомы-то не были, так, видела пару раз. Они преуспевающие, энергичные, нацеленные на успех, впереди у них блестящее будущее. Носят дорогие костюмы, покупают лишь «ультрамодное», «сверхскоростное», вплоть до смартфонов последней модели — мне на такой зарплаты не хватит...

А я повсюду временная, замещающая, исполняющая обязанности. Одежка с распродаж. Училась в дыре, о которой они и не слышали. В «высоких технологиях» не смыслю. Новейшие изобретения, достижения «нашего информационного века», социальные сети для меня — пустой звук. Я не очень-то социально активна.

То есть любая на моем месте отказалась бы от такого предложения, сочла его непристойным. Однако я, сама не знаю почему, ответила: «Отлично! Заметано!»

Позднее, уже выпив от смущения море пива и «мохито», я поняла, что попала на вечеринку по недоразумению. Молодой человек пригласил вовсе

не меня, а приятную даму, главного юриста компании, которая стояла у меня за спиной. И в ответ на мою лихую поспешную реплику не решился честно сказать: «Простите, но вы ошиблись».

Если бы вчера вечером я благоразумно следовала заведенному распорядку (вернулась бы домой, съела макароны под какую-нибудь телевизионную чушь, ровно в десять легла бы в постель, выпив надежное быстродействующее снотворное), то к утру была бы в здравом уме и твердой памяти. Сознание ясное, движения четкие. Правила поведения при пожаре печатают в газетах ежедневно, я их перечитывала сотни раз: мокрую ткань на лицо и под двери, окон не открывать, а главное, не бежать через задымленные пространства.

Если бы я не напилась, как дура малолетка, то услышала бы сирену пожарной машины и поняла, что вскоре доблестные пожарные в касках и сапогах, настоящие герои, под восторженные крики зевак придут ко мне на помощь. Заберутся по длинной лестнице и осторожно вынесут меня из горящего дома. Я оказалась бы в безопасности. Не поддаюсь панике, подавила страх. В конце концов, злему року покоряются только безвольные трусы или мрачные пессимисты.

Скорей всего, сияющие каски потушили бы огонь внизу, и он не проник бы в мою квартиру. Я вымыла бы ее хорошенько и тише воды ниже

травы продолжила свой немудрящий путь, безопасный и безнадежный, проживая каждый новый день точь-в-точь как предыдущий.

Вместо этого я распахнула входную дверь, даже не подумав, как защитить себя от огня и дыма. Густое черное облако ворвалось внутрь, заставило меня отступить. Все пространство от пола до потолка раскалилось добела в мгновение ока. Мне опалило кожу, волосы. Дыхание пресеклось, легкие пронзила невыносимая боль. Я поняла, что мне отсюда не выбраться. И все, что я в себе старательно подавляла и умирляла целых одиннадцать лет, вырвалось наружу с невиданной силой.

Я задержала дыхание, чтобы уголь в груди потух. Бросилась к окну и с диким воплем перемахнула через подоконник.

Круг замкнулся, я вернулась к исходной точке. Еще одна шпилька судьбы.